

Тема 7 Проблема поведения в теориях научения: теория респондентного обусловливания

7.1 Принципы респондентного обусловливания

7.2 Бихевиористское понимание мышления и эмоций

7.3 Молекулярное и молярное поведение

7.1 Принципы респондентного обусловливания.

Основной постулат бихевиорального подхода состоит в том, что почти всякое поведение усваивается в результате научения. Например, любая психопатология понимается как усвоение неадаптивного поведения или как неудача при усвоении адаптивного поведения. Вместо того чтобы говорить о психотерапии, сторонники теорий научения говорят о *модификации поведения* и о *поведенческой терапии*. Нужно модифицировать или изменять конкретные действия, вместо того чтобы разрешать внутренние конфликты, лежащие в основе этих действий, или реорганизовывать личность. Так как большинство видов проблемного поведения было когда-то усвоено, от них можно отучиться или как-то их изменить, используя специальные процедуры, основанные на законах обучения.

Еще более существенной чертой этих подходов является ориентация на объективность и научную строгость, на *проверяемость гипотез* и экспериментальный контроль переменных. Это привело к тому, что главным местом изучения поведения стала лаборатория, что простое поведение предпочитается сложному, а в качестве испытуемых используются животные, такие, как крысы и голуби. В дальнейшем ориентация на тщательные манипуляции с объективными переменными привела к смещению акцентов на силы, *внешние* по отношению к организму, в отличие от *внутренних* сил. Сторонники теории научения манипулируют параметрами внешней среды и наблюдают последствия этих манипуляций в поведении. В то время как психодинамические теории выделяют причины поведения, которые кроются внутри организма (например, влечения, защитные механизмы, Я-концепция), теории научения подчеркивают причины, находящиеся во внешнем окружении. В центре внимания оказываются внешние стимулы, которыми можно манипулировать в эксперименте, такие, например, как пищевое вознаграждение, в отличие от понятий, которыми манипулировать нельзя, – таких, как Я-концепция (Self), Я (Ego), сознание и бессознательное.

Предпочтение, которое бихевиоризм отдает внешним, средовым детерминантам, связано также с акцентом на *ситуативную специфичность* поведения. Вместо того чтобы признавать стабильные характеристики, проявляющиеся в широком диапазоне ситуаций, на которые делают ставку теория черт и психодинамическая теория, бихевиористы считают, что, какая бы согласованность в поведении ни обнаруживалась, этим человек обязан сходству условий среды, в результате которых и возникают данные действия.

При рассмотрении поведенческого подхода к поведению следует различать две разновидности поведения: *рефлекторное* и *оперантное*.

Рефлекторное поведение подразумевает характерную реакцию, вызываемую известным стимулом, последний всегда предшествует первой во времени. Хорошо знакомые примеры – это сужение или расширение зрачка в ответ на световую стимуляцию, подергивание колена при ударе молоточком по коленному сухожилию и дрожь при холоде. В каждом из этих примеров взаимоотношение между стимулом (уменьшение световой стимуляции) и реакцией (расширение зрачка) невольное и спонтанное, это происходит всегда. Также рефлекторное поведение обычно влечет за собой рефлексы, включающие автономную нервную систему. Однако рефлекторному поведению можно и научить. Например, студент, который очень потеет и у которого «сосет под ложечкой» от страха перед экзаменом, возможно, демонстрирует рефлекторное поведение. Для того чтобы понять, как можно изучать то или другое рефлекторное поведение, полезно обратиться к трудам И. П. Павлова, первого ученого, чье имя связывают с бихевиоризмом.

Иван Петрович Павлов (1849-1936) был русским физиологом, который в ходе своих исследований процесса пищеварения разработал метод изучения поведения и принципы научения, оказавшие глубокое воздействие на всю психологическую науку. В конце XIX – начале XX в. Павлов занимался исследованием секреции желудочного сока у собак. В ходе этих экспериментов он, среди прочего, вкладывал некоторое количество корма в пасть собаки и измерял, сколько слюны выделяется в результате. Случайно он обратил внимание на то, что после нескольких таких опытов собака начинает выделять слюну на определенные стимулы еще до того, как пища попадает ей в рот. Слюноотделение происходило в ответ на такие сигналы, как появление миски с едой или появление человека, который обычно приносил пищу. Другими словами, стимулы, которые первоначально не приводили к данной реакции (так называемые *нейтральные стимулы*), затем могли вызывать слюноотделение из-за того, что ассоциировались с кормом, который автоматически заставлял собаку выделять слюну. Это наблюдение натолкнуло Павлова на идею проведения выдающихся исследований, в результате которых был открыт процесс, получивший название процесса выработки классического условного рефлекса, или процесса классического обусловливания.

Джон Б. Уотсон взял Павловский принцип обусловливания и, сочетая его с уже разработанными им самими идеями, представил миру точку зрения, которую назвал "бихевиоризмом". Эта объективная и уделяющая внимание среде точка зрения быстро стала отличительной для американской психологии и даже теперь она тесно связана с тем, что отличает психологию именно в этой стране.

В то же время, когда развивались эти идеи, Эдвард Торндайк (1911, 1932) показал важность награды и наказания в процессе научения, а его

"закон эффекта" стал одним из краеугольных камней современной теории научения. Несмотря на решающую роль идей Павлова, теория научения, с ее вниманием к объективности, тщательному построению эксперимента и сильным "привкусом" функционализма – одна из самых "американских" из всех обсуждаемых нами теорий.

Принципы респондентного (классического) обусловливания

Павлов первым открыл, что респондентное поведение может быть классически обусловленным. Суть процесса классического обусловливания в том, что изначально нейтральный стимул начинает вызывать реакцию благодаря своей ассоциативной связи со стимулом, который автоматически (безусловно) порождает такую же или очень похожую реакцию. Иначе говоря, собака выделяет слюну на первую же порцию корма, когда он попадает ей на язык. В этом случае нет никакой необходимости говорить о каком-то обусловливании или научении. Еда может рассматриваться как *безусловный стимул (БС)*, а слюноотделение – как *безусловная реакция (БР)*, или *безусловный рефлекс (БР)*. Это происходит, потому что слюноотделение – автоматическая, рефлекторная реакция на пищу. Нейтральный стимул – например, звонок – не вызовет слюноотделение. Однако если в ряде опытов *непосредственно перед* предложением пищи звонит звонок, то его звук сам по себе, без следующего за ним появления пищи может вызвать реакцию слюноотделения. В этом случае речь идет о процессе обусловливания, так как слюноотделение происходит вслед за звонком без предъявления пищи. В этом смысле звонок можно отнести к *условным стимулам (УС)*, а слюноотделение – к *условным реакциям*, или *условным рефлексам (УР)*. На рис. 7-1 можно видеть процесс классического обусловливания.

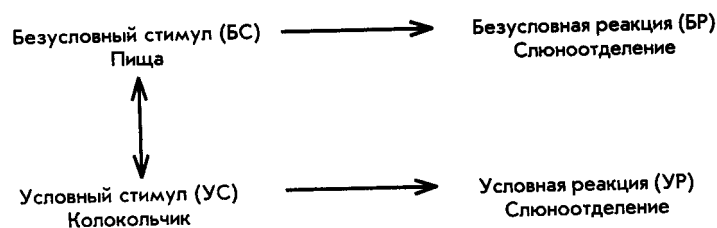

Рис. 7. Парадигма классического обусловливания по Павлову.

Аналогичным образом можно выработать условные оборонительные реакции на первоначально нейтральные стимулы. В первых исследованиях по оборонительному обусловливанию на собаку надевали специальную упряжь, чтобы удерживать ее в станке, а к лапе прикрепляли электроды. Подача электрического тока (безусловный стимул) на лапу вызывала отдергивание лапы (безусловный рефлекс), которое было рефлекторной реакцией животного. Если непосредственно перед ударом током несколько раз звонил звонок, то постепенно звук сам по себе (условный стимул) был способен вызывать оборонительный рефлекс отдергивания лапы (условный

рефлекс).

Однако можно не только формировать новые условные рефлексy, но и разрушать старые (это называется *размыканием*, т.е. прерывание связи между стимулом и нежелательной реакцией, о чем речь пойдет в следующем вопросе).

7.2 Бихевиористское понимание мышления и эмоций.

Несмотря на то, что вначале И. П. Павлов проводил эксперименты на животных, другие исследователи начали изучать основные процессы классического обусловливания на людях.

Дж. Уотсон экспериментально доказывал, что можно сформировать реакцию страха на нейтральный стимул. В его опытах детям показывали кролика, которого они брали в руки и хотели погладить, но в этот момент получали разряд электрического тока. Ребёнок испуганно бросал кролика и начинал плакать. Опыт повторялся, и на третий-четвёртый раз появление кролика даже в отдалении вызывало у большинства детей страх. После того как эта негативная эмоция закреплялась, Уотсон пытался ещё раз изменить эмоциональное отношение детей, сформировав у них интерес и любовь к кролику. В этом случае ребёнку показывали кролика во время вкусной еды. В первый момент дети прекращали есть и начинали плакать. Но так как кролик не приближался к ним, оставаясь в конце комнаты, а вкусная еда (шоколадка или мороженое) была рядом, то ребёнок успокаивался. После того как дети переставали реагировать плачем на появление кролика в конце комнаты, экспериментатор придвигал его все ближе и ближе к ребёнку, одновременно добавляя вкусных вещей ему на тарелку. Постепенно дети переставали обращать внимание на кролика и под конец спокойно реагировали, когда он располагался уже около их тарелки, и даже брали его на руки и старались накормить. Таким образом, доказывал Уотсон, эмоциональным поведением можно управлять.

Эксперимент Уотсона и Рейнера (1920)

Он иллюстрирует ключевую роль классического обусловливания в формировании таких эмоциональных реакций, как страх и тревога. Эти ученые обусловливали эмоциональную реакцию страха у 11-месячного мальчика, известного в анналах психологии под именем «Маленький Альберт». Как и многие дети, Альберт вначале не боялся живых белых крыс. К тому же его никогда не видели в состоянии страха или гнева. Методика эксперимента состояла в следующем: Альберту показывали прирученную белую крысу (УС) и одновременно за его спиной раздавался громкий удар в гонг (БС). После того, как крыса и звуковой сигнал были представлены семь раз, реакция сильного страха (УР) — плач и запрокидывание — наступала, когда ему только показывали животное. Через пять дней экспериментаторы показали Альберту другие предметы, напоминающие крысу тем, что они были белые и пушистые. Было обнаружено, что реакция страха у Альберта распространилась на множество стимулов, включая кролика, пальто из

котикового меха, маску Деда Мороза и даже волосы экспериментатора. Большинство из этих обусловленных страхов все еще можно было наблюдать месяц спустя после первоначального обусловливания. К сожалению, Альберта выписали из больницы (где проводилось исследование) до того, как Уотсон и Рейнер смогли угасить у ребенка страхи, которые они обусловили. О «Маленьком Альберте» больше никогда не слышали. Позже многие резко критиковали авторов за то, что они не убедились в отсутствии у Альберта стойких болезненных последствий эксперимента. Хотя ретроспективно этот случай можно назвать жестоким, он действительно поясняет, как подобные страхи (боязнь незнакомых людей, зубных врачей и докторов) можно приобрести в процессе классического обусловливания.

Феномены респондентного обусловливания

Экспериментальная процедура, разработанная Павловым для изучения классического обусловливания, позволила ему исследовать целый ряд важных феноменов, важных для понимания эмоций и мышления в бихевиоризме.

Генерализация. Павлов обнаружил, что условный рефлекс, который возник в ответ на один первоначально нейтральный стимул, будет ассоциироваться и с другими похожими стимулами.

Другими словами, реакция слюноотделения на звонок будет генерализована обобщена, распространена и на другие звуки. Точно так же и оборонительная реакция отдергивания на звонок будет распространяться на другие звуки, напоминающие звонок.

Дифференцировка. Если в многократно повторяющихся опытах безусловный раздражитель следует только вслед за *некоторыми* нейтральными стимулами, то животное распознает разницу между стимулами. Например, если только за некоторыми звуками следуют удары током и рефлекторное отдергивание лапы, то собака может научиться различать звуки, за которыми следует удар током, от тех, за которыми он не следует.

Таким образом, если процесс генерализации приводит к согласованности реакций на похожие стимулы, то процесс дифференцировки приводит к большей специфичности реакций.

Угасание. Если условный стимул перестает хотя бы иногда сопровождаться последующим безусловным стимулом, то наступает постепенное ослабление обусловливания, или ослабление связи между стимулами. В то время как ассоциация нейтрального стимула с безусловным стимулом приводит к образованию условного рефлекса, многократное предъявление условного стимула без безусловного стимула приводит к угашению условного рефлекса. Поэтому, для того чтобы собака продолжала выделять слюну на звонок, необходимо хотя бы время от времени совмещать звонок с последующим кормлением.

Самопроизвольное восстановление. Было также обнаружено, что если

собаке дают длительный отдых в период угасания, то слюноотделение будет повторяться при звуке колокольчика через некоторое время.

Хотя все примеры взяты из опытов с животными, можно видеть, что эти принципы приложимы и к людям. Например, возьмем ребенка, которого покусала или сильно напугала собака. Страх ребенка перед данной собакой может распространяться теперь на всех собак – процесс генерализации. Предположим теперь, что с чьей-то помощью ребенок начинает различать собак разных пород и начинает бояться собак только определенной породы – и это будет процесс дифференцировки. По прошествии времени ребенок может приобрести положительный опыт общения со всеми собаками, что приведет к угашению реакции страха. Таким образом, классическая модель обусловливания может оказаться очень полезной для понимания развития, сохранения и исчезновения многих наших эмоциональных реакций.

Таким образом, респондентное поведение – это версия павловского, или классического обусловливания. Уотсон был убежден, что наблюдения за состояниями сознания, за мышлением и переживаниями так же мало нужны психологу, как физику. Только отказавшись от этих внутренних наблюдений, настаивал он, психология станет точной и объективной наукой. Уотсон заменил все традиционные представления о психических явлениях их двигательными эквивалентами. Зависимость различных психических функций от двигательной активности была в те годы прочно установлена экспериментальной психологией. Это касалось, например, зависимости зрительного восприятия от движений глазных мышц, эмоций – от телесных изменений, мышления – от речевого аппарата и так далее.

Бихевиористская концепция депрессии (обученная беспомощность)

Бихевиористская модель депрессии сведена к совокупности объективных, в первую очередь внешних, поведенческих проявлений. В качестве центрального звена депрессии используется понятие “*обученной беспомощности*” – операционального конструкта, предложенного М. Селигманом для описания устойчивого поведенческого паттерна – отказа от любых действий, направленных на избегание травмирующих событий. (Описать несколько экспериментов).

Смысл этого отказа заключается в том, что в силу ряда предшествующих развитию депрессии событий у человека формируется устойчивая неспособность поверить в то, что его собственный ответ мог бы быть удачным и позволить ему избежать негативного развития ситуации. Поскольку в бихевиористских исследованиях принципиально не различаются феномены, описанные на животных, и собственно человеческие феномены, основное количество исследований, результаты которых экстраполированы на депрессию у человека, выполнено на животных.

По мнению М. Селигмана, обученную беспомощность можно рассматривать как аналог клинической депрессии, при которой человек снижает контроль над усилиями по сохранению своего устойчивого положения в окружающей среде. Ожидание отрицательного результата, к

которому приводит попытка контролировать происходящее (безнадежность, беспомощность, бессилие), приводит к пассивности и подавлению ответов (клинически проявляющихся как пассивность, моторная, вербальная и интеллектуальная заторможенность).

В варианте Дж. Вольпе хронические неудачи в попытках получить превосходство в межличностных отношениях приводят к тревоге в связи с неспособностью разрешить ситуацию при помощи обычного поведенческого репертуара. Было установлено, что депрессии предшествует отсутствие “социальной приспособленности” (поведение, редко встречающее положительное подкрепление со стороны окружающих).

Терапевтические схемы вытекают из предполагаемой структуры основного дефекта. Терапия основана на изменении ситуаций, обучении в особых условиях, позволяющих путем позитивного подкрепления разрушить паттерны депрессивного стиля поведения, укрепляя поведенческую активность.

Систематическая десенсибилизация, целью которой является снижение тревоги или тренировка настойчивости, предназначена для того, чтобы вернуть индивиду контроль над межличностными отношениями.

Использование бихевиористской модели депрессии, как показано большим числом авторов, достаточно убедительное для узкого класса невротических депрессивных расстройств и расстройств адаптации, оказывается недостаточным при попытке интерпретации (и терапии) аутохтонных аффективных нарушений, экзистенциальной депрессии и пр. Кроме того, сведение аффективной патологии к поведенческому компоненту, причем не имеющему никакой собственно человеческой специфичности, явно обедняет реальную клиническую картину.

Итак, категория *действия*, односторонне трактованная в бихевиористской исследовательской программе, не могла успешно разрабатываться при редукции *образа и мотива*. Без них само действие утрачивало свою реальную плоть. Образ событий и ситуаций, на которые всегда ориентировано действие, оказался у Уотсона низведённым до уровня физических раздражителей. Фактор мотивации либо вообще отвергался, либо выступал в виде нескольких примитивных аффектов (типа страха), к которым Уотсон вынужден был обращаться, чтобы объяснить условно-рефлекторную регуляцию эмоционального поведения. Попытки включить категории образа, мотива и психосоциального отношения в исходную бихевиористскую программу привели к её новому варианту – необихевиоризму.

Мышление в бихевиоризме

Эти факты Уотсон использовал в качестве доказательства того, что объективные мышечные процессы могут быть достойной заменой субъективных психических актов. Исходя из такой посылки, он объяснял развитие умственной активности. *Утверждалось, что человек мыслит мышцами*. Речь у ребёнка возникает из неупорядоченных звуков. Когда взрослые соединяют с каким-нибудь звуком определенный объект, этот

объект становится значением слова. Постепенно у ребенка внешняя речь переходит в шёпот, а затем он начинает произносить слово про себя. Такая внутренняя речь (неслышная вокализация) есть не что иное, как мышление.

Всеми реакциями, как интеллектуальными, так и эмоциональными, можно управлять. Психическое развитие сводится к учению, то есть к любому приобретению знаний, умений, навыков – не только специально формируемых, но и возникающих стихийно.

Современный бихевиоризм, следуя прагматической традиции Уотсона, определяет мышление как форму приспособления организма к новым условиям. Согласно бихевиористической точке зрения, эти новые условия представляют для организма проблемную ситуацию, или ситуацию задачи, поэтому процесс приспособления к проблемной ситуации описывается бихевиористами как решение задачи.

Переноса закономерности поведения животных на мышление человека, отмечает американский психолог Улмен, бихевиористы доходят до абсурда. Так, К. Халл свои основные постулаты, долженствующие представлять общие законы поведения, выводит целиком из экспериментов на животных. Один из постулатов его общей теории поведения (7-й) выведен из количества пищи, необходимой для образования условных рефлексов у крыс, а в другом (13-м) - время реакции крыс принимается как общий закон поведения.

Новым в современной бихевиористической теории мышления является понятие промежуточных переменных, которое становится центральным, поскольку позволяет ввести вопрос об умственной деятельности, не наблюдаемой непосредственно извне, вокруг изучаемых бихевиоризмом проблем.

Другой характерной чертой необихевиористского подхода к мышлению является попытка его представителей использовать при исследовании мышления теорию инструментального обучения как приобретения особого рода условных связей.

Таким образом, производится объединение учения о промежуточных переменных и теории инструментального обучения. На этой основе и строится необихевиористическая теория мышления и знания.

Согласно необихевиористической теории, *основной единицей мышления и умственной деятельности является навык.*

С точки зрения бихевиоризма, процесс решения задач человеком представляет собой последовательную актуализацию различных по силе навыков (вербальных и инструментальных), связанных с входящими в проблемную ситуацию объектами. Однако *у человека благодаря речи имеются сложные иерархии семей навыков*; у животных они существуют лишь в зачаточном состоянии. Кроме того, частичные антиципирующие реакции, центры семей навыков, существуют, как правило, в вербальной форме, и порождаемые ими стимулы могут связываться с большим количеством навыков-знаний, ведущих к достижению одного и того же результата. *В результате образуются не только отдельные семьи*

иерархически расположенных навыков, но иерархии семей и даже иерархии этих первичных иерархий. Вся эта сложная организация знаний может существовать и функционировать лишь на основе речи.

Различие между так называемым *продуктивным и репродуктивным мышлением* Мальцман видит в *разном соотношении семей навыков*. По его мнению, репродуктивное мышление представляет собой актуализацию и отбор навыков, принадлежащих к одной и той же семье. В отличие от этого в основе продуктивного мышления лежит выделение навыков, относящихся к другой семье, которая в начале решения имела слабый потенциал возбуждения в сложной иерархии семей навыков.

Как мы видим, современные представители поведенческой теории постепенно все дальше отступают от бихевиористических позиций, возвращаясь, как это ни странно на первый взгляд, к традиционной ассоциативной психологии. Это особенно наглядно выступает при разработке проблемы речевого мышления. Основная методика исследования – регистрация вербальных реакций на словесные стимулы – давняя методика ассоциативного эксперимента.

7.3 Молекулярное и молярное поведение.

Э. Толмен разделению молекулярного и молярного поведения посвящает специальную статью под названием «Поведение как молярный феномен» (Хрестоматия по истории психологии. Под ред. Гальперина П. Я., Ждан А. Н. М.: Изд-во МГУ, 1980). В ней отмечается, что трактовка поведения Дж. Уотсоном является молекулярным определением поведения.

Дж. Уотсон: молекулярное определение

Уотсон в основном описывает поведение в терминах простой связи "стимул – реакция". Сами эти стимулы и реакции он, по-видимому, представляет себе в относительно непосредственных физических и физиологических значениях. Так, в первом полном изложении своей концепции он писал:

"Мы используем термин "стимул" в психологии так, как он используется в физиологии. Только в психологии мы должны несколько расширить употребление этого термина. В психологической лаборатории, когда мы имеем дело с относительно простыми факторами, такими как влияние волн эфира различной длины, звуковых волн и т. п., изучая их влияние на приспособление человека, мы говорим о стимуле. С другой стороны, когда факторы, которые приводят к реакциям, являются более сложными, как, например, в социальном мире, мы говорим о ситуациях. Ситуация с помощью анализа распадается на сложную группу стимулов. В качестве примера стимула можно назвать такие раздражители, как пучок света различной длины волны; звуковую волну различной амплитуды и длины, фазы и их комбинации; частицы газа, подаваемые через такие небольшие отверстия, что они оказывают воздействие на оболочку носа; растворы, которые содержат частицы вещества такой величины, что приводят в активность вкусовые почки; твердые объекты, которые воздействуют на кожу и слизистую оболочку; лучистые стимулы, которые могут вызвать ответ на их температуру; вредные стимулы, такие как режущие, колющие, ранившие ткань. Наконец, движения мускулов и активность желез сами служат стимулами вследствие того воздействия, которое они оказывают на афферентный нерв, заканчивающийся в мускуле.

Подобным образом мы используем в психологии термин "реакция", но опять мы должны расширить его использование. Движения, которые являются результатом удара по сухожилию или

по подошве стопы, являются "простыми" реакциями, которые изучаются в физиологии и медицине. Наше исследование в психологии также имеет дело с простыми реакциями такого типа, но чаще – с рядом сложных реакций, происходящих одновременно (Watson J.B. Psychology from the standpoint of a behaviorist. Philadelphia, 1919, p. 10.).

Необходимо отметить, однако, что наряду с этим определением поведения в терминах строго физических или физиологических *сокращений мускулов*, которые в него входят, Уотсон был склонен соскальзывать на различные и иногда противоречивые позиции. Так, например, в конце только что цитированного отрывка он говорит:

"В последнем случае (когда наше исследование в психологии имеет дело с несколькими различными реакциями, происходящими одновременно) мы иногда используем популярный термин "акт" или приспособление, обозначая этим то, что целая группа реакций интегрируется таким образом (инстинкт или навык), что индивид делает что-то, что мы называем словами: "питается", "строит дом", "плавает", "пишет письмо", "разговаривает" (Op. cit., p. 11.).

Эти новые "интегрированные реакции", вероятно, имеют качества, отличные от качеств физиологических элементов, из которых они составлены.

Наш вывод сводится к тому, что Уотсон в действительности имеет дело с двумя различными понятиями поведения, хотя сам он, по-видимому, ясно их не различает.

Э. Толмен: молярное определение поведения

Э. Толмен защищает второе, молярное определение поведения. Вот что он пишет: «Несомненно, что каждый акт поведения можно описать в терминах молекулярных процессов физического и физиологического характера, лежащих в его основе. Но поведение – молярный феномен и актам поведения как "молярным" единицам свойственны некоторые собственные черты. Именно эти молярные свойства поведенческих актов интересуют нас, психологов, в первую очередь». Поведение не может быть выведено из сокращений мускулов, из составляющих его движений, взятых самих по себе. Поведение должно быть изучено в его собственных свойствах.

Акт, рассматриваемый как акт "поведения", имеет собственные отличительные свойства. Они должны быть определены и описаны независимо от каких-либо лежащих в их основе процессов в мышцах, железах или нервах. Эти новые свойства, отличительные черты молярного поведения, по-видимому, зависят от физиологических процессов. Но описательно и *per se* (сами по себе) они есть нечто другое, чем эти процессы.

Крыса бежит по лабиринту; кошка выходит из дрессировочного ящика; человек направляется домой обедать; ребенок прячется от незнакомых людей; женщина умывается или разговаривает по телефону; ученик делает отметку на бланке с психологическим тестом; психолог читает наизусть список бессмысленных слогов; я разговариваю с другом или думаю, или чувствую – *все это виды поведения (как молярного)*. И необходимо отметить, что при описании упомянутых видов поведения мы не отсылаем к большей частью хорошо известным процессам в мускулах и железах, сенсорных и двигательных нервах, так как эти реакции имеют достаточно определенные собственные свойства.

Другие сторонники молярного определения

Нужно отметить, что данное молярное представление о поведении, т. е. представление о том, что поведение имеет собственные свойства, которые его определяют и характеризуют и которые являются чем-то другим, чем свойства лежащих в его основе физических и физиологических процессов, защищается и другими теоретиками, в частности Хольтом, де Лагуной, Вейссом и Кантором.

Вот, к примеру, мнение Хольта: "Часто слишком материалистически думающий биолог так робеет при встрече с некоторым пугалом, именуемым "душой", что спешит разложить каждый случай поведения на его составные части – рефлексы, не пытаясь сначала наблюдать его как целое" (Holl E. В. The freudian wish. N. Y., 1915, p. 78).

Описательные свойства поведения как молярного феномена

Соглашаясь, что поведение имеет собственные описательные особенности, мы должны четко уяснить, каковы они.

Первым пунктом в ответе на этот вопрос должен быть установленный факт, что поведение в собственном смысле всегда, по-видимому, характеризуется *направленностью на цель* или исходит из целевого объекта или целевой ситуации (Мы будем использовать термины "цель" и "результат", чтобы описать ситуации, исходящие из цели, и ситуации, направленные на достижение цели, т. е. для обозначения того, что можно назвать "от чего" и "к чему"). Полное определение любого отдельного акта поведения требует отношения к некоторому специфическому объекту – цели или объектам, на которые этот акт направлен.

В качестве второй характерной черты поведенческого акта отметим, что поведение, направленное на цель или исходящее из нее, характеризуется не только направленностью на целевой объект, но также и *специфической картиной обращения*. Поведение человека состоит не только в факте возвращения со службы домой. Оно характеризуется также специфической картиной обращения с объектами, выступающими в качестве средств для достижения цели, – машиной, дорогой и т. д. Или, наконец, поведение психолога – это не только поведение, направляемое инструкцией, исходящей от другого психолога; оно характеризуется также тем, что само раскрывается как специфическая картина соотношений этой цели с объектами, используемыми в качестве средств, а именно: чтение вслух и повторение бессмысленных слогов; регистрация результатов повторения и т. д.

В качестве третьей описательной характеристики поведенческого акта мы находим следующую его особенность. Такой акт, направленный на специфический целевой объект или исходящий из него, вместе с использованием объектов в качестве средств характеризуется также *селективностью, избирательностью*, выражающейся в большей готовности выбирать средства, ведущие к цели более *короткими* путями.

Итак, в полном описании поведенческого акта различаются:

а) целевой объект или объекты, которые его направляют или из которых оно исходит;

б) специфическая картина отношения к объектам, которые используются в качестве средств для достижения цели;

в) относительная селективность к объектам, выступающим в качестве средств, проявляющаяся в выборе тех из них, которыми ведут к достижению цели более коротким путем.

Таким образом, поведение, рассматриваемое как *молярное*, является целевым и когнитивным. Цели и опознавательные моменты составляют его непосредственную основу и ткань. Несомненно, поведение зависит от лежащих в его основе многообразных физических и химически процессов, но в качестве основной его черты как поведения выступает его целевой и познавательный характер.

Таким образом, поведение как таковое является молярным феноменом в противоположность молекулярному феномену, который составляют лежащие в его основе физиологические процессы. Описательные свойства поведения как молярного феномена таковы: оно направлено на целевой объект или исходит из него, осуществляется с помощью некоторых объектов и путей, выбираемых в качестве средств преимущественно перед другими, и образует специфическую картину обращения с этими выбранными в качестве средств объектами.